

Глава первая. **Нитки, иголки, путы и тропы**

Меня зовут Кассандра Тауриг, Кэсси, я золотошвейка. Ничего удивительного, в нашем роду все женщины занимались этим ремеслом съзмальства, а семья Тауриг была единственной в городе, которая несколько поколений держала мастерскую и лавку при ней. Несмотря на то что вышивка вообще дело хлопотное, а золотое шитье еще и дорогостоящее, за долгие годы спрос на него не только не уменьшился, но и удивительно возрос, особенно сейчас, когда причудливый поворот моды требовал украшать чуть ли не каждый клочок одежды, да так, что первоначальный цвет ткани мог вообще потеряться за вышитым рисунком.

Сколько себя помню, я всегда шила. Нитки, дешевый бисер и пайетки были моими любимыми игрушками, по ним я училась различать цвета и формы, правильно подбирать цвета, вязать узлы, плести шнуры и украшать одежду. Но к вышивке золотом, или, как принято у нас называть, золотному шитью, меня допустили только в двенадцать лет. В нашем роду так принято, а традиции мы привыкли чтить.

Наша семья из старинного, хоть и не знатного рода Тауриг была вполне богата и уважаема в городе. Это объяснялось просто: шить в городе умели многие, швейных мастерских было более чем довольно, но редко кто

отваживался вышивать материалами столь дорогими — золотом, серебром, жемчугом, драгоценными камнями. Любая мастерица знала: выбиться в золотошвейки не просто престижно, это, считай, было билетом в жизнь, но вот именно выбиться туда было не то что трудно, а почти невозможно. Чтобы начать свое дело, нужны были деньги, много денег, ибо то, с чем работала золотошвейка, ценилось весьма дорого. К тому же не каждая мастерица смогла бы с этим работать. Кропотливое это ремесло, золотное шитье, терпения требует, навыка, сноровки. Да и от обычной вышивки есть у него свои отличия. Во-первых, материал. Легко шить обычной тонкой нитью, шелковой или хлопковой, мягкой да шелковистой, упругой и послушной. Но золото или серебро — материал капризный, то ли тончайшей провололочкой, то ли узкой ленточкой сделанный. Сквозь ткань не всегда продернешь — порвется, можно лишь поверх крепить, да еще надо сделать так, чтобы незаметны были стежки да ровно нить лежала. Перекрутишь ленточку разок-другой — гладкость рисунка потеряешь, а порвешь — так только работы себе прибавишь. А попробуйте-ка вы справиться с канителью! Тончайшая золотая лента завита спиралью, и пришить ее к ткани можно, лишь проткнув плотную льняную нить в крошечные завитки. Не хотела бы я вышивать канителью — уж больно долго да кропотливо, да к счастью нашей сестры-вышивальщицы век канители прошел. Нынче можно купить и нити чистейшего золота или серебра, закрученные вдоль прочной льняной основы, дорогие и деликатные, и дешевые,

крашенные позолотой тончайшие полоски кожи или жил; и свитые, и крученые, и плоские, и волоченые, и пряденые — знай себе выбирай на всякий вкус и кошелек. Каждому рисунку да ткани только свой материал гожд: на шелке золотыми шнурами или позументом картину не выложишь — не выдержит, а по грубой шерсти золотом шить — деньги зря переводить.

А во-вторых, есть у золотошвеек и свои секреты мастерства, не всякой вышивальщице ведомые. Но об этом мы умолчим, на то они и секреты. Как нить уложить, чтобы была она гладкой да ровной, как стежок потайной сделать, как узор сплошной зашить и как потом его разделить, чтобы каждая деталь заиграла, — то и есть маленькие хитрости большого умения, без которого любой идеально подобранный рисунок станет позорищем неумехи. А уж про то, как жемчуг низать да камни самоцветные в вышивку вплетать, известно и вовсе только единицам. Много секретов у золотошвеек, как и в любом другом деле, только не все умения идут от рук, не меньше их от сердца и ума приходит. Сможешь сердцем увидеть, как на шелке золотой цветок распустился или дождь серебряный пошел? Сможешь заранее просчитать, как будет смотреться задуманное на ткани? Вот коль сумеешь все верно сочетать: выдумку, тонкий расчет да аккуратность стежка — тогда и работа твоя будет цениться, что никакими деньгами не измерить.

И уж в этом тауригских вышивальщиц никто в городе перешпионуть не мог.

Из поколения в поколение в нашей семье так было заведено: женщины вышивали, а мужчины дело охраняли и добывали хороший материал. Искать заказчиков почти никогда не приходилось, разве что в особо голодные времена, когда людям было не до излишеств. В последнее же время дела наши шли так хорошо, что нам самим незачем было за пальцами сидеть, разве что в охотку, поскольку могли себе позволить держать по меньшей мере пять мастериц.

В нашей мастерской не только вышивали, но и шили, однако не так часто, чтобы держать для этого отдельных портных. Заказов на золотное шитье было достаточно, чтобы заниматься только одним делом.

Еще мой прадед заключил выгодный для двух сторон договор с соседом, известным портным из рода Стоминов. Его мастерская была рядом, буквально за углом, тогда-то и устроилась их совместная работа к взаимной радости: у стоминских мастеров одежду кроют и шьют, у тауригских украшают. Выгода была обоим. Когда-то оба семейства всерьез подумывали о том, чтобы и вовсе объединиться, да не вышло: переругались и с тех пор свято чтут установленные когда-то границы между дружбой семьями и выгодой от совместной работы. Так до сих пор и бегают стоминские и тауригские приказчики туда-сюда по улице.

Настоящее золотное шитье, которым украшалась не только одежда, но и пояса, шляпки и сумочки и даже табакерки, не каждому было по карману, его мог позволить себе даже не каждый богач. Однако репутация мастерской

была так безупречна, а цены так привлекательны, что заказы сыпались отовсюду, даже издалека. Время от времени нас посещал сам король Веремиз.

Когда оставалось время, мы делали вещи попроще да подешевле, почти на всякий кошелек: всегда ведь оставались нитки, не годные для хорошей работы, а на простенькое, милое украшение — вполне подходящие. Да и не рассчитывали мы только на богатого покупателя. Если надо, могли и шелком расшивать, и даже хлопком.

Может, это покажется странным, но в наше завистливое время нашу семью в городе любили и уважали, а мастерская процветала.

У нашего отца было пятеро детей: четыре девочки и мальчик. Мать мы потеряли очень рано, она умерла при последних родах десять лет назад.

Старшая дочь, красавица Натали, уравновешенная и спокойная, обладала тем чудесным характером, который делает счастливым любого мужчину. И они не заставили себя долго ждать. Едва достигнув возраста, когда девушке пора выходить замуж, предложения руки и сердца, как из короба, посыпались на нее. Но Натали была не только покладиста, но и умна, а потому не стала спешить, выбирая себе жениха по вкусу. Свадьбу сыграли всего полгода назад, и сестрица покинула нас, переехав в дом своего мужа, титулованного барона и богатого землевладельца.

Селина была второй дочерью наших родителей и отличалась редкой красотой. В отличие от старшей сестры Селина обладала неукротимым нравом и романтической

натурой, весь пыл которой сполна тратила на кавалеров. Ей уже исполнился двадцать один год, и отец поторапливал ее с замужеством, разрешая сделать собственный выбор, но не оставляя слишком много времени на раздумья. Дочкин двадцать один год для отца — как красная тряпка для быка: мол, пора действовать, чтобы ненаглядная девочка в старых девах не осталась. Впрочем, это не про Селину. Это уже про меня.

За пяльцами, где могла усидеть с трудом, ветреная Селина часами придумывала разные невероятные истории о принцах, которые вот-вот заявятся в нашу лавку и, естественно, чуть ли не упадут в обморок, едва увидев ее. Но принцы почему-то не появлялись, и ей приходилось довольствоваться множеством других, менее родовитых, зато они всегда были под рукой. Поскольку Натали покинула отчий дом, вступив в права хозяйки огромного поместья, Селина оставалась старшей женщиной в семье и мастерской и на нее легла вся работа с шитьем. Нельзя сказать, чтобы это слишком радовало ее. Она была достаточно хорошей мастерицей, но при этом весьма неусидчивой, а в нашем деле без терпения никак нельзя. Из-за такой склонности своего характера сестрица предпочитала принимать и выдавать заказы, а сидеть с пяльцами — это уж когда выдастся свободная минута. Оттого и работа у нее в руках кипела, ибо не желала она заниматься ею дольше, чем выдерживало ее терпение.

Самыми младшими были близнецы Дана и Дин. Родившиеся на десять лет позже остальных детей, они стали

предметом всеобщего балования. Их обожали и отец, и старшие сестры, и слуги, и соседи. Их баловали безмерно, позволяли слишком многое и почти никогда не наказывали. Но несмотря на то, что росли они сорванцами, у них был веселый нрав и доброе сердце. Правда, одно чрезвычайно печалило отца: Дане было десять, но иглу в руки она брать категорически отказывалась. Ей явно нужно было родиться мальчишкой, ибо заводилой во всех проказах была именно она. Отец тяжело вздыхал, сетуя на отсутствие женского воспитания, и надеялся, что со временем девочка возьмется за ум.

И, наконец, я. Меня угораздило родиться средней, и это и вправду определило мою жизнь. Я ничем не отличалась. Не была ни красивой, ни уродливой, ни покладистой, ни задиристой, ни умной, ни глупой. Я была другой. Замкнутой. Жизнь мирно текла мимо меня.

Я тихо жила в своем мирке среди ниток, иголок, драгоценностей и рисунков с узорами да еще книг. Отец не жалел на нас денег, приглашая в дом именитых учителей и воспитателей, так что мы росли детьми грамотными, благовоспитанными и учтивыми. Но книги были мне милей людей, ибо только там я узнавала новое, а отец, потакая моим необычным для девушки прихотям, выписывал для меня книжные новинки даже из столицы. Я захлеб читала и училась. Мир я познавала книжным, скорее придуманным, чем реальным, но он меня вполне устраивал. Мне повезло еще в одном. Жизнь в нашем маленьком городе, как и в других, подобных ему, определяется тем, что считают

возможным или невозможным, приемлемым или нет местные законодательницы мод. Что носить, а чего не носить, кому благоволить, а кто — в опале, что дозволено обсуждать, а что под запретом, определяли несколько женщин Кермиса: госпожа Фриза, жена градоначальника, господина барона Хэммы Нортон, госпожа Маримма, вдова барона Цертен, устроительница самого популярного в городе салона, и виконтесса Дирлен, чопорная дама столь предельной строгости и лет, что ее имя просто забыли, предпочитая обращаться «госпожа виконтесса».

В чем же мне повезло? Мне как раз исполнилось пятнадцать, когда в городе появилась одна одиозная личность, по слухам сосланная из Лилиена, столицы, за слишком вольные высказывания в адрес Его Королевского Величества. Это был профессор лилиенского Университета Кикер, маленький, сухонький старичок с пушистым облаком седых волос, злым языком и неукротимым нравом и к тому же в весьма непрестом положении: по какой-то причине он лишился средств к существованию и прибыл в Кермис практически без гроша в кармане. Местные матроны посчитали это даром с небес — опального профессора тут же определили лучшим учителем для своих отпрысков. Профессор, очевидно, был в слишком стесненном положении, раз согласился обучать глупых провинциальных детей, но это продлилось недолго. На уроках он бранился и всячески оскорблял нерадивых учеников, бросался книгами, громко топал ногами и даже визжал, когда слышал глупость, второй раз разъяснять урок напрочь отказывался, ссылаясь

на то, что «тупые мозги и второй раз не поймут»... В общем, учитель из него оказался никудышный. Столичной знаменитости стали вежливо отказывать от места, отчего он вскоре опять оказался на мели, хотя по-прежнему пользовался популярностью в салоне госпожи Мариммы.

Тогда-то мой отец и пригласил его для двух своих младших детей – Даны и Дина, надеясь научить их уму-разуму. Но дети были еще слишком малы, и Кикер от безысходности взялся учить меня. Первый этап наших отношений был удивительно схож со всеми иными, известными мне, – швыряние книг, обзывание «тупицей», топанье ногами. Но потом мы ко всеобщему удивлению нашли общий язык. Я не обращала внимания на его брань и дурной тон, научилась задавать вопросы, ставящие его в тупик, была любознательна и целеустремленна, и он сменил гнев на милость. Кикер и вправду оказался кладезью мудрости. Он сам выбирал темы для уроков, и тогда его трудно было остановить. Он обучал меня математике, географии, философии, риторике. Он учил меня думать и пользоваться знанием.

Кикер пробыл у нас почти четыре года, пока, наконец, Его Королевское Величество не сменил гнев на милость и не позволил профессору вернуться в столицу. И пусть Кикер громогласно заявлял, что бесконечно рад покинуть это тухлое провинциальное болото, я знала, что его уроков мне будет не хватать.

Из всей семьи ближе всех была мне Селина, вечно окутанная ореолом романтических грез. Все наши

разговоры, начинаясь о вечном, заканчивались насущным: о кавалерах. Она могла говорить о них часами, перебирая достоинства и недостатки каждого, сравнивая знаки внимания или, чего хуже, невнимания. Мне же перебирать было некого. Парочка юношей, случайно обративших на меня внимание, вызывали у меня отчаянную скуку и острое желание от них отделаться.

Я не была такой фантазеркой и мечтательницей, как Селина, по крайней мере, никогда не выражала свои эмоции так бурно, как она, но и я мечтала о своем счастье. А почему бы и нет? Но мои представления о нем вовсе не заключались в удачном браке. Остаться старой девой мне не грозило — через год, когда мне исполнится двадцать один год, отец наверняка подыщет мне (может быть, даже поинтересуется, нравится ли он мне) подходящего жениха, ибо с таким приданым, которое давал он всем своим дочерям, не надо иметь за душой ничего другого — ни красоты, ни шарма, но я надеялась, что до этого у меня еще есть время. Потому что я этого боялась.

Замужество никогда не прельщало меня так, как старших сестер, а встретить человека себе по нраву или — уму непостижимо! — полюбить в нашем хотя и не маленьком, но заштатном городишке, я не надеялась. Другого выбора в жизни, кроме как подчиниться воле отца, у меня не было, и это крайне угнетало. Я начинала внутренне бунтовать, ощущая, как нечто неотвратимое и заранее непобедимое загоняет меня в ловушку, запикивает в темный мешок обыденности и серости, из которого мне не

выбраться. И тогда любимая работа становилась наказанием, а творчество — ремеслом. Мне хотелось все бросить и сбежать, чтобы хоть что-то изменить в своей жизни. И еще я прекрасно знала, что ничего подобного никогда не сделаю.

Каждый день, сидя в одиночестве в крохотной комнатке за шитьем, я пыталась разобраться в себе, пыталась уговорить саму себя смириться с уготованной мне судьбой, но от этого становилось только хуже. Так я и встретила свои двадцать лет. Оставался год на раздумья и свободную жизнь.

Однако очень скоро произошли события, полностью перевернувшие мою жизнь.

Все началось с того, что однажды вечером отец сообщил о важном своем решении.

— Я долго думал, дети мои, — немного смущаясь, сказал отец, — прежде чем решиться на такой шаг. Вам нужна заботливая мать, женщина, которая окружит вас лаской и вниманием, на что у меня нет ни сил, ни способностей. Десять лет я пытался справиться со всем один, но, боюсь, у меня не слишком хорошо это получалось. Так вот, дети. Я решил жениться.

— Мы больше не будем, — испуганно и отчаянно заявила за всех Дана. — Мы обещаем себя хорошо вести. Не надо жениться.

Отец продолжал, намеренно не замечая горестного вопля девочки:

— Ее зовут Катерина, вдова господина Макуйса. Она

хорошая женщина. Спокойная, тихая, прекрасная хозяйка, отличная мать. И у нее есть сын Патрик, ровесник Селины. У вас будет заботливый старший брат. Вы полюбите их, вот увидите.

– Нет, отец, – опять встряла Дана, – нам и с тобой хорошо.

– Да, Дана! – внезапно резко оборвал ее отец. – Я так решил.

Увы, нам слишком хорошо был известен этот тон. Он говорил о том, что, коль отец принял решение, он его не изменит. Мы втихомолку поплакали и повозмущались в своих комнатах и принялись ожидать неминуемого.

Через две недели в наш дом въехала Катерина. Как феерическая красочная комета она притянула за собой целый хвост суеты, кутерьмы и суматохи. Непонятно, каким образом отец умудрился усмотреть в Катерине «спокойную, тихую женщину», но с этого момента покоя в доме мы не видали. О нет, она не была «злой мачехой». Она искренне пыталась нас любить и поэтому сразу же взялась за наше воспитание, горько сетуя об упущенных годах. Весь пыл нерастраченных сорока лет она выливала на нас, и больше всех доставалось, конечно же, младшим.

К счастью, она не была сведуща в шитье, чтобы вмешиваться в работу мастерской, и мы, понимая, что это ненадолго, сбегали туда, чтобы отдохнуть от ее нравоучений и поразмышлять в тишине. Однако зрелище, как горестно бедная Селина терзает ткань и искалывает собственные пальцы, приводило меня в полное уныние.

Хаос неотвратимо добирался до наших рук.

Только мы стали приспособливаться к новым порядкам в доме, как примерно через месяц на нас обрушилось новое потрясение. Из столицы на каникулы прибыл сын Катерины Патрик, успешный студент королевского Университета. Высокий, темноволосый, статный, предельно обходительный, сверкающий столичным блеском, Патрик с первого взгляда сразил бедную Селину, похитил ее сердце и вежливо удалился.

— Кэсси, душечка, он такой милый, — восхищенно ворковала Селина, бродя, как привидение, по полутемной мастерской, где я в этот вечер задержалась с работой. — А манеры? Ни одного лишнего слова, ни одного лишнего жеста. Предел совершенства.

Тяжело и безутешно вздыхая, Селина, проходя, смахнула свечу со стола, и та упала на пол. Огонь мгновенно нашел себе занятие в виде обычно блуждающего по мастерской легкого облачка обрывков ниток. Селина, продолжая рассуждать о достоинствах сводного брата (о-о, какая все-таки жалость! Сводный брат! Но ведь не родной же? С другой стороны, это даже и лучше. Мы будем видеться чаще, и для этого не нужно будет искать причины. И приличия будут соблюдены. Пожалуй, это чудесно!), прошла мимо. Пока я лихорадочно затаптывала огонь, оглядываясь по сторонам в поисках кувшина с водой, — стоял же где-то совсем рядом! — Селина мимоходом опрокинула большие квадратные пяльцы с почти готовой работой. Те с грохотом упали, задрвав ножки кверху. Потом

она, проходя мимо, нечаянно зацепилась кружевами своего изящного домашнего платья за торчавшие из небольшой коробки металлические крючки, единственные оставшиеся от неудачной попытки сестрицы расшить лиловый лиф серебряными лилиями, поскольку все остальное было уже спорото. Лиф, естественно, потянулся следом за Селиной, всякая мелочь, лежавшая в коробке, – испорченные позументы, куски резинки, серебряной парчи, распушенного шнура, припорошенного углем, который использовали для нанесения рисунка на ткань, крохотные ножнички, зажавшие между кольцами обрывок широкой золотой ленты, завязанной в узел последовала за лифом, и наконец, сама коробка проехала по столу и шлепнулась на пол. Только почувствовав, что что-то тянет ее за рукав, Селина остановилась. Задумчиво посмотрев вниз и не переставая рассуждать о Патрике, она равнодушно отцепила крючок и пошла дальше. Я тяжело вздохнула: хаос не просто пришел в наш дом – он здесь поселился на правах хозяина.

К сожалению, у братца Патрика были свои планы на жизнь, и хотя ему очень понравилась новая родственница, и он даже позволил себе с ней слегка пофлиртовать, никем другим, кроме как сестрой, он ее называть не собирался.

Вскоре Катерина по секрету сообщила, что ее сын имеет виды на одну столичную девушку, столь же красивую, сколь богатую и знатную. До Селины эта новость дошла быстрее молнии, а гром, произведенный ею, только глухой бы не услышал.

Катерина была слишком благовоспитанна, чтобы уличать падчерицу в недостойных чувствах, а потому позвала на помощь отца.

С прямою, свойственной натурам честным и бесхитростным, отец заявил, что пора уж и замуж. Если сама Селина не смогла найти себе подходящего жениха, — подходящего! — он сам, вместе с Катериной, разумеется, займется этим.

Не мне объяснять, что за этим последовало. Работа в мастерской теперь занимала все мое время, поскольку никому другому просто не было до этого дела: Селина плавно переходила от тихой истерики к буйству, а отец с Катериной — от уговоров к угрозам. Спускаться в лавку им было некогда.

У нас было пять мастериц и три подмастерья, заказы сыпались со всех сторон, то и дело влетал очередной приказчик или степенно и осторожно входил очередной клиент, не найдя никого в лавке или отправленный ко мне служанкой Мариной, которая временно стояла за прилавком. А я буквально разрывалась между всеми.

В жилой части дома, расположенной выше мастерской и лавки, где мы, собственно говоря, и жили, шла война. Единственными, кто получал от этого истинное удовольствие, были Дана и Дин. . Пока Катерина, отец и Селина бурно рисовали недалекое совместное будущее, дети бесконтрольно чинили проказы. Сначала выкрасили только что остриженную болонку Катерины в зеленый цвет (чтобы веселей было, а то что она, бедная, такая голенькая

ходит!) и привязали ее хвост к хвосту соседской кошки, чтобы посмотреть, действительно ли кошка с собакой ужиться не могут. Потом перетянули все перила на лестницах в доме туго натянутыми веревками (играя в матросов, изучали процесс завязывания и крепость морских узлов). И, наконец, продолжили на улице, сунув под хвост лошади одной почему-то не понравившейся им толстой клиентки нечто острое и колючее (кошка была занята, а проверить поговорку «коту под хвост» было больше не на ком). Бедняжка издала дикое ржание (не клиентка, а лошадь!), сломя голову помчавшись вниз по дороге и волоча за собой карету, буквально разваливающуюся по частям, но вместе с тем весело скачущую по брусчатке.

Так мы прожили несколько дней. Постепенно страсти улеглись, но если кто-то думал, что Селина смирилась со своей участью, тот ошибался. Она все-таки была старшей сестрой Даны и Дина.

А в это время очень кстати графу Ноилину понадобилась золотошвейка.

О графе Ноилине стоит рассказать отдельно.

Город наш назывался Кермисом, и ничего примечательного в нем не было. Его разделяла надвое река, и все, что в нем находилось, сразу же обретало ярлык: «Верхний город» или «Нижний город». Это было существенно, поскольку в Верхнем городе, на холме, жила вся местная знать и те, кто стремился к ней приблизиться, а Нижний оставался тем, кто не мог выкарабкаться из бедности или, по крайней мере, едва сводил концы с

концами. Мы, как вы понимаете, жили в Верхнем городе.

В Верхнем городе улицы были чистыми, дома ухоженными, лавки богатыми, а публика – щедрой. Еще здесь были театр, ратуша и прелестный ухоженный парк. В Нижнем, естественно, всего этого не было. Но и здесь, и там люди, по сути, были одинаковы и больше всего любили посплетничать, с той только разницей, что в Нижнем городе сплетничали более грубо, а в Верхнем – более витиевато. Короче, город как город, ничего необычного и ничего интересного.

Единственной и несомненной достопримечательностью этого края был замок Самсод, стоявший милях в десяти выше по реке среди густого леса на достаточно высоком живописном холме, оттого видный издалека и выглядевший весьма зловеще на фоне слухов, окружавших его. Замок был когда-то укрепленной крепостью, окруженной отведенной из реки водой, с башнями, бойницами, подъемным мостом и прочими атрибутами защитного сооружения, но постепенно расстроился, оброс новыми башнями, дворами, стенами, мостами, так что от первоначального строгого строения остались лишь одни воспоминания. Но при всем этом редко кому доводилось там бывать, несмотря на соседство с городом. Не только потому, что человек, живший там, очень не любил непрошенных гостей, просто он был магом.

В наше время любой человек, занимающийся магией, даже самой примитивной, сразу становится объектом самых невероятных слухов, но этот, упорно не желавший знаться с городом, вызывал их вдвое больше. Поговаривали, что сам

Король пожаловал замок Самсод с окрестностями графу Ноилину за несомненные великие заслуги перед отечеством, а вот вместе ли с титулом или он и в самом деле графом был от рождения, никто не знал. Что точно делал он как колдун, доподлинно тоже никому не было известно, как и то, живет он там постоянно или приезжает время от времени. Но обсуждать его не переставали. Жил он здесь уже лет десять, и за это время ничего не изменилось ни в замке на холме, ни на землях, окружавших его. Среди слухов особенно занимательным был тот, что некоторые особо удачливые и пробивные горожане смогли-таки попользоваться его магической силой, но за большие деньги и по страшному секрету, как и полагается, передаваемому из уст в уста. Кого-то от стыдной хвори излечил, кому-то денег наворожил, кому-то жену присушил. Так, по мелочи. В противовес этому ходили столь же живучие слухи, что чары его — тьфу, одна видимость, голову людям морочит, а толку от его декоктов никакого. Правда то или досужие вымыслы, но внимания к графу это не умаляло. Как и то весьма странное обстоятельство, что ни один из мнимых или настоящих клиентов графа ни разу в лицо так и не увидал.

Немногочисленные слуги, время от времени приезжающие в город за провизией, всегда были крайне немногословны, а порой и специально напускали на себя вид таинственный и загадочный. Иные считали, что им есть что скрывать, другие скептически хмыкали: так, мол, легче цены сбивать.

За годы количество тайн вокруг замка не только не поубавилось, но и увеличилось в размерах и болезненности фантазии. Всякую странность теперь связывали с безумной волшбой колдуна: не по сезону несвоевременное нашествие летучих мышей, необъяснимо исчезнувшее столовое серебро, пожар, вызванный ударом молнии в жаркий сухой день, мор кур на хуторе близ города или повальная измена мужей.

А когда пару лет назад ни с того ни с сего стали пропадать девушки в округе, тут уж и сомнений не было, кто в этом виноват. Слухи слухами, но дело дошло до того, что жених одной из пропавших собрал сотоварищей и выступил было на замок с оружием. Городской голова едва отговорил от этой затеи обеспокоенную молодежь, пообещав усерднее заниматься поисками. И надо признать, беспокоился он не за то, что воинствующие молодчики нападут на добропорядочного гражданина, вина которого не доказана. Нет, он явно беспокоился за этих самых молодчиков, а то и за весь город.

И вот теперь этот самый возмутитель спокойствия искал золотошвейку. У городского обывателя голова пошла кругом от обилия самых невероятных догадок, зачем ему это понадобилось: от ужасных подозрений в некоем кровавом ритуале (будто для этого только золотошвейки и годятся!) до радостного предвкушения появления затворника на публике (ему, мол, гардеробчик сменить потребовалось). Как-никак сей господин был не только колдуном, но еще и графом с солидным недвижимым имуществом. Кумушки

чесали языками насчет его внешности и величины кошелек, в чем редко кто сомневался, а дородные городские мужи осторожно подсчитывали, во что выльется им очередной грандиозный бал, ибо такое событие вряд ли окажется рядовым.

Однако на самом деле никто причин не объяснял.

Здоровенный мужчина с порванным ухом, в котором невесть как держалась изумрудная серьга, дерзко и поразбойничьи улыбнулся оторопевшей Катерине, случайно оказавшейся за прилавком, и деликатно попросил образец работы ее падчериц. Хозяину, как сказал он, нужна лучшая и искуснейшая мастерица для работы в замке. А где, как не в вашем доме, прелестная госпожа, ее искать? Катерина, на которую внушительный графский слуга произвел неизгладимое впечатление, непререкаемым тоном отдала приказания, отчего слуги бросились выполнять просьбу, поставив весь дом вверх дном. И пока готовились образцы, она ворковала у прилавка.

Селина ворвалась ко мне, размахивая вышивкой, как флагом. Ее чудные золотистые волосы растрепались, синие глаза загорелись опасным огнем, щеки запылали. Ни слова не говоря, она смерчем пронеслась по моей маленькой комнатушке позади мастерских (единственное место моего уединения), разбрасывая обрывки ткани, переворачивая готовые работы и раздраженно фыркая.

Пока я с недоумением смотрела на нее, она выволокла приготовленные мною новые образцы (обычно мы показывали их заказчикам, чтобы выбрать рисунок и стиль

шитья) и стала пристально рассматривать их.

— Селина? — не выдержала я.

— Этот! — внезапно завопила сестра, веером разбрасывая ненужное и патетически потряся куском голубого шелка с вышитыми выпуклыми серебряными нарциссами, жемчужными ландышами и гладкими продолговатыми листьями. — Потом расскажу.

Через мгновение ее и след простыл. Что значил этот демарш, я узнала, как всегда, последней. Толстушка Марина, непрестанно всплескивая руками и задыхаясь от впечатлений, рассказала об «этом страшном слуге» (впрочем, мужчина он был — хоть куда):

— Госпожа Катерина была с ним так любезна, даже пригласила заходить еще, и он, представляете, госпожа Кассандра, дерзко так ухмыльнулся и согласился! А сам — разбойник разбойником. Свет таких не видывал. Представляете, госпожа Кассандра, он надел черный бархатный камзол поверх зеленого жаккардового жилета, а сверху повязал пунцовый шелковый шарф! Как так можно? А его кожаные штаны и вовсе ужас! Такие обтягивающие, что я даже покраснела. Впрочем, фигура у него ладная, внушительная. Наверное, сильный мужчина. Мне не видно было, конечно, но думаю, что сильный. В ухе у него серьга зелененькая болтается, бородка такая аккуратненькая, а у висков две косички висят. А взгляд!.. Вообще-то выглядит он ухоженным, не похоже, что заброшенный, но вот что я скажу: явно голодный по женской части. Он мне так подмигнул, улыбнулся, и я сразу поняла, никакой он не

разбойник. Очень он даже ничего. А вообще, хозяйка...

— А зачем он приходил, Марина? — немилосердно перебила я нескончаемый поток слов.

— Зачем? — огоропела служанка. — Образцы взял. Ваш и госпожи Селины.

Я вопросительно задрала бровь.

— Его хозяину, графу Ноилину, нужна золотошвейка, — радостно пояснила Марина. Я недоуменно пожала плечами и продолжила работу — мне было не до чудачеств разных там знатных господ.

Скоро я забыла об этом, заваленная внезапным ворохом заказов. Слухи сделали свое дело: к вечеру я уже знала, что граф Ноилин дает блестящий бал, что он ищет себе невесту, что уже ее нашел и собирается жениться, что у него, наконец, закончился траур по умершей жене, что у него объявился сын и он собирается вывести его в свет, что собирается купить самый роскошный дом в городе... Но в том, что будет дан бал, почему-то не сомневался никто, и каждая мало-мальски знатная женщина, естественно, должна была показать себя во всей красе. От заказов ломились все — от портных и швей, до куаферов и парфюмеров.

Я хваталась за голову: вшестером нам ни за что не успеть до этой глобальной катастрофы, но на помощь Селины рассчитывать не приходилось. Сестрица по-прежнему упорно страдала в одиночестве.

А через три дня это произошло. К нам пришел сам градоначальник, уважаемый барон Хэмма Нортон. Городской голова был человеком столь же занятым, как

знатным и богатым. Ему принадлежали половина земли в округе, десяток богатых лавок, лучшая кузня, лучшая псарня и даже единственная в городе оранжерея, где выращивались невиданные заморские фрукты и овощи. При такой занятости ему особенно не было дела до владельца какой-то там мастерской, хоть даже и популярной золотошвейной. С шитьем и всяческими иными атрибутами светской жизни всегда разбиралась его жена, изящная и авторитетная госпожа Фриза, законодательница местных мод.

Но сейчас барон Хэмма пришел сам. Увидев, как градоначальник раздраженно вытирает пот с лица и огромной залысины, отец побледнел и пригласил гостя в кабинет. Барон самолично передал отцу послание, в котором граф Хед Теодор Ноиллин просит прислать ему в услужение дочь господина Градиана Таурига по имени Селина. Если его устроят условия работы, это будет по достоинству оплачено.

Видимо, эти условия и заставляли бледнеть отца и неуютно ежиться барона Хэмму. Условия были странными. Работать Селина должна была в замке год, не больше. Возможно, меньше. При этом она не должна ни с кем видаться и покидать замок. Безопасность девушки гарантируется, равно как и очень приличная оплата ее трудов.

Сначала отец ответил категорическим отказом, но, видимо, у барона нашлись веские аргументы, и дело закончилось тем, что отец согласился при условии, что сама

Селина против не будет: его до сих пор слегка мучила совесть из-за того, как резко он обошелся со своей девочкой по части замужества. С другой стороны, повеселел отец, и эта проблема, пожалуй, решилась. За год дочка одумается – глядишь, и строптивости поубавится.

К изумлению всех Селина сразу же согласилась. Повеселевший голова дружески потряс руку отцу и даже слегка приобнял его в лучших чувствах, сообщая, что завтра же по утрам придет лучший эскорт до замка. Отец, не ожидавший такого панибратства, приосанился, подсчитывая выгоду от такого отношения к себе градоначальника и веселея с каждой минутой. Селина же, загадочно оглядев всех с ног до головы, помчалась собираться.

* * *

– Кэсси, душечка, – прошептала Селина, среди ночи забираясь ко мне в постель, обнимая и щекоча своими душистыми золотыми волосами, – прости меня.

– За что? – спросонья я никак не могла сообразить, о чем она говорит.

– Я всех обманула. Мне нужно туда попасть.

– Куда нужно? Что обманула?

– Понимаешь, когда я образцы Катерине отдавала, то твой, тот, с нарциссами, подписала своим именем, а свой – твоим. Так что в замок, наверное, должна была ехать ты. Ты же лучшая. Ты несравненная. Мне никогда не стать такой

искусницей, как ты. Ты простишь меня, Кэсси?

— Я не сержусь на тебя, но зачем ты это сделала, Селина?

— Мне житья здесь не будет, сестренка, — отчаянно простонала она, — Патрику запретили со мной видаться, Катерина злится, отец хочет поскорее замять это дело. Ты думаешь, я дура, ничего не понимающая? Мне так тяжело, Кэсси!

— Что ты, Селина, — задыхнулась я от острой жалости. — По правде говоря, я была так занята работой, что даже не подозревала, как страдает моя сестра.

— Я люблю его, — просто и обреченно сказала Селина. — Я помню каждый жест, каждое слово, сказанное им, когда мы были вместе. Я видела его глаза и в них отражалась я. Он восхищался моими волосами и сравнивал мои глаза с редкими горными озерами, он целовал мне пальцы и говорил, что не встречал более убедительного изящества. Он читал мне стихи и называл прелестной феей. Разве я могла не поверить ему?

Зато я готова была разорвать наглеца в клочья. Уму непостижимо, когда это Патрик успел так вскружить ей голову?

— Я не верю, что у него есть невеста, Кэсси. Он говорил, что одинок, что в жизни его нет света любви. Что только здесь начинает жить полной жизнью. Это его мать желает женить его с выгодой, правда, но он сам не хочет этого!

Зато я верила. Да у него на лбу написано, чего ему

нужно. А замороженная своими мечтами Селина не поверит, даже если ее ткнуть носом в кольцо у него на пальце. Но если я и была другого мнения, то говорить об этом Селине сейчас не стоило.

— Вот я и решила. Когда он узнает, что меня отправили в логово этого монстра, он не выдержит и обязательно заберет меня оттуда.

О ужас! Неужто это моя старшая сестра? Она же рассуждает, как ребенок!

Я с трудом перевела дух.

— Селина, — осторожно начала я, — за год многое может случиться. Если Катерина решила его женить, она не отступит, тем более ты не будешь мешать.

— Ха, — перебила меня Селина, — неужели ты думаешь, я останусь там на целый год? Что я там буду делать? Подожду с месяц и уйду. Если, конечно, Патрик не придет за мной раньше. Ты передашь ему записку, Кэсси, милая?

— Как уйдешь? Селина! Ты понимаешь, что говоришь? Отец слово дал. Если ты его нарушишь, что будет с нашей репутацией? Ты погубишь нас всех!

— Ах, Кэсси! Порой ты бываешь такой несносно-правильной, что становится тошно. Ты думаешь, я должна дожидаться, пока отец найдет для меня толстого лавочника с отвислыми губами? Да я сбегу куда угодно! Если Патрик не придет за мной, тогда я пойду за ним. Я уеду в столицу. А кроме тебя и его, знать никто не будет.

— Ну уж нет, Селина, — разбушевалась я, но сестра не

дала мне закончить, нежно закрыв ладонью мне рот:

— Неужели ты выдашь меня, Кэсси? — печально спросила она, хлюпая носом и сбрасывая слезы с ресниц с небрежностью королевы, взмахом руки отсекающей головы. — Мне не на кого большеположиться, не к кому обратиться за помощью. Без тебя я останусь совсем одна в этом мире.

Вскоре мы обе дружно рыдали и клялись друг другу в верности. Пользуясь случаем, моя любимая взбалмошная сестричка взяла с меня обещание передать записку Патрику и разьяснить ему, что к чему.

Наутро она по-королевски отбыла в открытой коляске, окруженная толпой зевак и десятком конных стражей, специально для такого случая приставленных городским головой.

День оказался чрезвычайно хлопотным, а потому я решила встретиться с Патриком вечером.

* * *

— Милая Кассандра, чем обязан такой встречей? — Патрик был сама предупредительность. Он и вправду был очень хорош собой. Одет с иголочки в безупречно подогнанный серый камзол, идеально расшитый серебром, и черные узкие брюки, заправленные в высокие щегольские сапоги. Воротник и рукава его камзола были украшены длинными белоснежными валарскими кружевами. Патрик манерно откинул красивую голову с темной гривой тщательно уложенных волос и вопросительно уставился на

меня.

По правде говоря, хоть я и готовилась к разговору, никак не решалась его начать. Мешало мне и то обстоятельство, что я, сплупив, назначила встречу поздно вечером у себя в комнатке за мастерской. Единственным освещением в ней была одинокая свеча, стоявшая на столе. Слегка интимная обстановка. Не ровен час, кто заметит — сплетен не избежать. Но Патрику, казалось, было все равно.

— Э-э-э, Патрик, — мялась я, — Селина просила передать тебе вот это.

Я протянула надушенный конверт. «Братец» вопросительно уставился на него, как на гадюку, свернувшуюся у его ног.

— Прочти это, — почти прошипела я.

— Видишь ли, сестра Кассандра, — не отрывая глаз от конверта и тем не менее не принимая его, медленно произнес Патрик, — моя дорогая сестра Селина, вероятно, не правильно меня поняла. У меня к ней исключительно братские чувства. Не скрою, Селина чрезвычайно хороша, она составит прекрасную партию любому мужчине, но...

— Бери конверт, — угрожающе сказала я, придвигаясь ближе.

— Да, да, конечно, — оторопел Патрик, как-то скукожившись и втянув голову в плечи, — но позволь объяснить тебе, я тут не при чем.

Объясниться дальше мы не успели. Если чего-то боишься, это обязательно произойдет. Дверь резко распахнулась, и в комнатку вошел хмурый, расстроженный

отец:

— Знаешь, Кэсси, я, пожалуй...

Застигнутые врасплох, мы с Патриком отскочили друг от друга, как сильно столкнувшиеся шары. Отец широко раскрыл глаза, как-то странно крякнул, прокашлялся и вышел вон.

— Катерина! — послышался его разъяренный вопль на лестнице, ведущей в жилую часть дома. — Где... моя трубка?

Целый день в бешеном круговороте работы мы с отцом нервно косились друг на друга, не решаясь объясниться, но и не оставляя такого желания. Наученный горьким опытом, отец долго собирался с мыслями, но первой не выдержала я.

— Это не то, что ты подумал, — застав, когда вокруг не крутились приказчики, слуги, клиенты, поставщики, Катерина или дети, я пошла ва-банк.

— А что я подумал? — недоверчиво покосился отец.

— Это не было свиданием в том смысле, что... Ну, в общем, он мне безразличен. Я просто передала ему прощальное письмо Селины.

— А-а-а, — непонимающе протянул он, — какое письмо?

— Прощальное, — я, конечно, кривила душой, но должна же была хоть как-то успокоить отца.

— А-а-а, понимаю, — опять непонимающе покивал он головой, — да, кстати, а что делал Патрик у тебя в камерке в такой поздний час? У вас что, свидание было? Кэсс, я не потерплю, чтобы еще и ты...

Пока он не выговорился, я не смогла и слова вставить. После чего я клятвенно его заверила, что с Патриком у нас все покончено, и я его больше не люблю. Отец был удовлетворен. Мир в семье был для него главным, и он прилагал все силы, чтобы сохранить его.

Но судьба явно была не на его стороне.

На следующий день к вечеру Селина вернулась.

Оставив остолбеневших родственников, то есть нас, растерянно стоять внизу, она поднялась в свою комнату подавленная и унылая, не желая ничего объяснять. Однако стоило потрясению пройти, а Селине — почувствовать, что ей больше ничего не грозит, бедняжка нас просто ошеломила своей историей. Оказывается, она сбежала из замка, пройдя пешком десять миль.

Дальше — больше. Селине понравилось рассказывать, и неожиданно ее истории стали изобиловать подробностями, которых не было сначала. Я знала, что сестра, мягко говоря, преувеличивает свои приключения, но делалось это ею так вдохновенно и артистично, что я не могла сердиться.

Город, наконец, получил свою давно ожидаемую порцию пицци для сплетен и начал медленно переваривать ее. Селина стала самым популярным человеком в городе.

— Ах, милочка, Вы такая храбрая! Как Вам удалось оттуда сбежать? — манерно поинтересовалась госпожа Маримма, местная устроительница самого популярного места для городских сплетен, и сегодня ее салон был полон публики, как никогда.

– О, надо признаться, мне помог случай...

– А какой он, этот граф Ноилин? – тут же скрипуче перебила ее другая посетительница салона, виконтесса Дирлен. С ее мнением тут считались, потому все проглотили бестактность, – Старик? Небось, не молод? Помню, слышала о нем весьма нелестные высказывания. Ну? – властно повернулась она к Селине.

– О да, госпожа, самое что ни на есть чудовище. Хмурый, старый, седой, уродливый и... горбун. Да, горбун. Рыкает на всех, кричит, слуги его боятся. А что не так – сразу колдует. Может в сосульку превратить или, скажем, в лягушку. Правда, потом приходится расколдовывать: так ведь никаких слуг не наберешься.

– Ах, – послышалось потрясенное со всех сторон.

– А на меня как глянул своими ужасными черными глазами, так душа в пятки и ушла. Но я не могла уйти просто так, мы же подписали договор. Все, что угодно, сказала я себе, но я не нарушу слово, данное моим отцом. Села я за работу, а он стоит и смотрит, рука моя так и замирает. Колдует, думаю. Ничего, думаю, я выдержу, справлюсь. Но самое страшное было ночью.

– Ночью? – с ужасом, но куда больше с интересом дамы подались вперед.

– Только я легла, дверь на засов закрыла, а она раз – и открывается. Я ее закрываю, а она открывается. Я рассердилась, пойду, думаю, скажу этому графу, что негоже так поступать, а из коридора на меня привидение летит. Я бежать, а оно за мной. Так всю ночь и пробегала... – она

горестно замолкла.

— А дальше? — дрогнувшим голосом разбила затянувшееся молчание молоденькая Одетт и оглянулась вокруг, явно ища поддержки.

— Ну, утром я все графу высказала, мол, как я могу работать, когда мне спать не дают, а он страшно так рассмеялся и сказал, что вовсе не для работы я ему была нужна, а... для опытов. — Селина таинственно понизила голос и обвела всех грозным взглядом, отчего даже самые стойкие вздрогнули. — Не сказал, правда, для каких. Вот тогда-то я и решила, что наш договор — это просто обман, раз он не нуждается в моей работе как золотошвейки, стало быть, я могу быть свободна. И я сбежала.

История впечатлила всех, и была лишь маленьким камешком, брошенным в пруд. Круги по воде расходились еще долго-долго и с каждым днем все дальше и дальше от правды. Ничего хорошего это не принесло, как вскоре оказалось.

* * *

Однако мне поздно ночью Селина рассказала совсем другую историю.

— Прости, Кэсси, ты, как всегда, была права. Глупая это была затея. В первый же день колдун понял, что я не та, за кого себя выдаю. И отправил меня обратно. Тихо и мирно, в коляске и с охраной.

Я ахнула:

— Как же так, Селина? А как же побег? Все эти ужасы?

— Ну, побега, как ты понимаешь, не было. Меня довели до города, и там я попросила меня оставить. Так что все это выдумка.

— Но зачем, Селина?

— Зачем? Кэсси, милая, ты разве не понимаешь, что мне было стыдно? Меня же просто выставили! А вернись я как отвергнутая, со мной было бы все кончено! Кому нужна такая мастерица? Не ты ли про репутацию говорила? А про мои рассказы граф и не узнает, он ведь даже в городе не бывает.

— А он и вправду такой страшный, как ты рассказывала?

— Да понятия не имею! Я его и не видела даже. Со мной только Logan и общался. Это тот домоправитель, что заходил к нам в лавку. Есть еще там кухарка, Тирта, старушка такая древняя, что едва ходит. Она еду мне приносила. А больше я вообще людей и не видела, кроме стражей на воротах. Просидела считай что взаперти в светелке за работой, да там и получила расчет. Тот же Logan и принес. Ну, еще трое стражей меня назад сопровождали. Вот и все.

— Нехорошо это получилось, — задумчиво покачала я головой. — На самом деле этот граф ничего плохого тебе не сделал, а ты его очернила почему зря перед всем городом.

— Ничего плохого? — вскинулась Селина. — Может, и ничего плохого, но попомни мои слова, нечисто что-то в том замке! Там ведь и вправду бродят привидения, даже днем!

Я одно такое видела так близко, как тебя. Заглянуло в двери, кивнуло, как старой знакомой, и исчезло! Я кричать начала, так никто и не пришел. В коридор выбежать страшно и оставаться страшно. Старуха только к вечеру пришла, я ей говорю, мол, привидение, а она будто и не слышит. Страшно там, правду говорю, страшно. Я за два дня чуть с ума не сошла от беспокойства и страха. Кэсси, я бы не выдержала там и неделю, что уж про год говорить! А этого графа я и видеть не хочу, и знать о нем не хочу. Коль может он жить в этом страхе, то явно с ним не все в порядке. И уж точно, если кого и называют колдуном, так это точно его. И если бы он сам не выгнал меня, нипочем бы я оттуда не выбралась!

От Селининых слов и мне стало не по себе. Сестрица-то моя не из пугливых, от собственной тени шарахаться не станет. Однако явная паника в ее глазах заставила меня поверить сказанному.

* * *

Рассказы Селины наделали такого переполоха в обществе, что отец, хоть и приветствовавший наплыв клиентов в лавке, вынужден был скрываться временным бегством. «Меня нет,» — зловеще шептал он и пытался укрыться в кабинете, пока я или Катерина не выпроваживали очередную партию любопытных обывателей, решивших уточнить все, как было. Так сказать, из первых рук. В лавке было не протолкнуться, утешало

только то, что она стала такой популярной. А популярность, что ни говори, в любом ремесле — вещь полезная.

Но, по правде сказать, большая часть почтенной публики, в основном мужского пола в возрасте до тридцати лет, вовсе не жаждала увидеть уважаемого господина Градиана Таурига. Она приходила лицезреть его очаровательную дочку Селину.

Селина могла быть довольна. Она и раньше не страдала отсутствием внимания, теперь же она просто купалась в нем, являя свою прелестную персону миру только тогда, когда сама этого хотела. Я подозревала, что это ее месть Патрику, который уже не знал, в какую сторону бросаться.

Однако отцу пришлось все же выйти на публику.

Городской голова был бледен пуще прежнего и даже мелко дрожал, то ли от страха, то ли от гнева. И при всем этом сохранил крепость духа и несомненную твердость взгляда, отчего набившиеся в лавку горожане оторопели и потихоньку отодвинулись в сторонку. Кто-то выскочил наружу, кто-то вжался в стенку, а кто-то сделал вид, что внимательно рассматривает выставленные образцы шитья. Но никто из них не сомневался — пахнет жареным.

Однако барон Хэмма Нортон не дал им повода что-либо разноухать. Твердым шагом он невозмутимо последовал за Градианом в кабинет, где просто обессиленно упал в кресло, пока хозяин плотно закрывал дверь, но этого уже никто не видел.

Минут через пять озабоченный хозяин выскочил из

кабинета, поймал пробежавшего мимо слугу и послал его за Селиной.

Девушка пробыла в кабинете минут десять.

Градоначальник оставался еще минут пять, а после вышел, твердо и спокойно проследовал обратно через лавку, сел в коляску и уехал.

Этих двадцати минут хватило, чтобы отец заперся в кабинете до вечера, отказываясь видеть кого-либо и разговаривать с кем-либо.

И только поздно вечером, когда лавка и мастерская совсем опустели, отец позвал меня к себе.

— Ты уже знаешь, что я хочу сказать тебе, девочка, — печально сказал он, не то утвердительно, не то вопросительно. Его глаза подозрительно быстро моргали, а руки теребили неожиданный для него платочек, подсакивая на солидном брюшке.

— Но почему, почему я должна туда ехать? — возмутилась я со страхом. — Ты же слышал, что случилось с Селиной?

— Она все наврала. Граф отправил ее обратно, а она сказала, что сбежала. Селина вела себя неправильно. А тебе нечего бояться, Кэсси. Ты девушка благоразумная, у тебя все получится, — отец был непривычно мягок и, похоже, забыл, что я не маленькая девочка.

— Они что, пригрозили тебе? — внезапно догадалась я.

Отец тяжело вздохнул, но все же ответил:

— Барон Хэмма сказал, что приложит все силы, чтобы вывести Селину на чистую воду. Она ведь опорочила вроде

как честного человека. Сделает так, что ни одна семья в городе нас не примет. Что ни один приличный клиент не войдет в нашу лавку. Да мало ли что может сделать облеченный такой властью человек? А если ты поедешь в замок и не сбежишь, то и он дело замнет. Не хочет голова ссориться с графом, очень не хочет.

«И очень боится его,» — мстительно подумалось мне. Уж я-то точно боялась. Чем больше я слышала об этом таинственном графе, тем гадостнее мне становилось. Уж больно длинные у него руки, если, не выходя из своего далекого замка, он может запросто растоптать не угодных ему. А что будет со мной, если, по рассказам Селины, даже на крик никто не придет? Разбирайся потом. И кто, собственно, с кем разбираться будет? Разве кто пойдет против графа? Я покрывалась холодным потом, живописно рисуя картины своего мученического пребывания в замке, и умоляющими глазами смотрела на отца. Говорить мне было нечего.

— Эх, — внезапно отчаянно решился отец, — была не была. Не беда, девочка. Продадим лавку, мастерскую, дом, подадимся в другой город. Везде люди живут, везде золотошвейки нужны.

Вот-вот, везде нужны, даже в замках колдунов. И все-таки, зачем я ему понадобилась? А вслух спросила:

— Да кто у нас купит? За бесценок же продадим.

— Ну и пусть. Только не отдам я тебя никакому колдуну! — и поцеловал меня в лоб. На нос мне капнула нечаянная слеза. — Иди, девочка. И не печалься.

Выдержим.

* * *

Свежесть напоенного росой воздуха, оглушительный писк носящихся в воздухе ласточек, манящий аромат первых ранних булочек, шурушание метлы дворника и даже легкая перебранка молочника, застрявшего со своей тележкой, с мясником, спешащим со свежей вырезкой на Верхнюю площадь к дому градоначальника, — что может быть лучше жизнерадостного летнего утра?

Я с грустью оглянулась на родной дом, улыбавшийся мне всеми своими распахнутыми окнами и длинными цветущими гирляндами, украшающими карнизы, поправила сумку, переброшенную за спину, тяжело вздохнула и отправилась в путь. Ни заложить коляску, ни просто оседлать лошадь я не рискнула, во-первых, потому, что наша единственная коляска требовала починки и нынче стояла в печали в углу, а во-вторых, я просто этого не умею. Да и верхом я ездить могу примерно так же, как корова кататься на коньках, с той только разницей, что корове падать ниже. Просить слуг не хотелось: отец, узнав, явно устроит им взбучку. А вот пешком, даже миль десять (я явно с ума сошла!), это — пожалуйста. С передышкой, потихоньку, глядишь, и дойду. Когда меня хватятся, я уже далеко буду. А вот если буду ждать, пока градоначальник пришлет эскорт (да и пришлет ли после селининой выходки?), отец найдет мотивы, чтобы убедить меня остаться. А мне бы не хотелось быть убежденной — ни к

чему это.

Город потихоньку просыпался. Чистенький, умытый, радостный, он встречал новый день игривым котенком, и мне, несмотря на все, что могло ожидать впереди, было удивительно спокойно. Я улыбнулась обсыпанному мукой старому булочнику, выглянувшему на минутку из окна поприветствовать меня, перебросилась парой слов с проходившим мимо знакомым учеником шляпника, помахала рукой толстушке-кухарке из дома напротив. Это был мой мир, в котором я прожила всю свою жизнь, мир, который я знала изнутри и очень хорошо. Меня окружали знакомые с детства люди, я знала их привычки, вкусы и слабости, я была среди них своей.

Так куда же и зачем я иду?

Размеренно цокая по брусчатке крепкими каблучками башмаков, я перешла мост и пошла вдоль реки, оставляя по правую руку Нижний город. У караулки я приветственно помахала рукой улыбаемся городским стражам, отчаянно скучавшим у внушительной будки, разукрашенной в цвета Кермиса, и тут с ужасом поняла, что город закончился. Все закончилось. Привычная жизнь, привычные люди, привычные обстоятельства. Теперь мне придется узнать, как можно жить иначе. Впрочем, не навсегда же?

Солнце поднималось выше, и под его лучами неумолимо исчезали последние капельки росы, приветственно сверкавшие в траве. Хорошо наезженная дорога, которой обычно пользовались все путники, спешащие на север, сегодня была удивительно пуста.

Встретились мне несколько повозок, груженных какими-то корзинами, только ехали они в город. По правде говоря, я надеялась на обычных в это время попутчиков, но их не было. Что ж, не беда. По правую сторону вдалеке уже виднеется густой темный лес, там и покину я этот приветливый тракт, свернув на боковую дорогу, ведущую к самому замку.

Я еще была полна утренней радости, но страх перед будущим постепенно заявлял свои права на мое спокойствие. Куда и зачем я иду? Что со мной будет?

Я иду потому, что иначе и быть не может. Так и незачем об этом думать, и я раздраженно отмахнулась от назойливых мыслей. А страх... Страх всегда сопровождает то, что нам неизвестно.

Хорошо вокруг, дышится легко, идетя легко... Так я дошла до леса. Третью пути, пожалуй, пройдена. Я присела на обочине, разминая не приученные к длительной ходьбе ноги и обмахиваясь пестрой косынкой. Парило, и это было странно. Солнце поднялось довольно высоко, а в небе по-прежнему не было ни облачка. Кругом кипела яркая жизнь, такая обычная в начале лета. Порхали бабочки, настырно жужжали жуки, стрекотали кузнечики, проносились птицы. Я так увлеченно рассматривала великолепие скромного земляничного листа, что не сразу услышала топот копыт, а услышав, вскочила, чтобы оказаться нос к носу с тремя всадниками, которые резко остановили лошадей и удивленно поглядели на меня.

— Привет, — мило улыбнулась я, лихорадочно

переводя взгляд с лица на лицо, чтобы понять, наконец, кто это такие и грозит ли мне опасность. Темно-зеленые ладные мундиры с желтыми позументами, военная выправка, пистолы на боку, суровый взгляд, такой не характерный для легкомысленной летней конной прогулки по воздуху. Путнички-то явно при исполнении, и у меня отлегло от сердца — не разбойники. Изумрудная серьга в ухе одного из них вызвала смутные подозрения, но всадник догадался первым:

— Неужто Кассандра Тауриг?

— Ага, — развела я руками.

— Пешком? — с подозрением спросил он.

— Так день хороший, отчего ж не прогуляться, — смотрела я на него совершенно невинными глазами.

— А вещи?

— Учусь довольствоваться малым, — радостно ответила я, выразительно похлопывая по тощему заплечному мешку. Вообще-то причина была более прозаична: я не была уверена, что смогу нести тяжелую сумку так далеко, поэтому пришлось — с тяжелым вздохом — от многого отказаться.

— У вас в семействе все такие? — пробурчал он, спешиваясь.

— Какие «такие»? — невинно спросила я.

— Ягнечки! — нелюбезно рывкнул он. — Чует мое сердце, добром это не кончится.

Я как-то сразу пригорюнилась. Слышала я, ягнечков-то в жертву приносили. Только вот раньше это было или и

сейчас это случается, я не знала. Похоже, узнать придется. Все мои страхи подскочили к горлу вместе с сердцем и намертво застряли там.

– Ну что ж, Кассандра Тауриг, милости прошу, – он показал рукой на седло позади одного из своих людей. Сопротивляться почему-то мне расхотелось. Я вправду была напугана и думала только о том, где найти силы, чтобы скрыть это.

...Серая громада крепости выросла посреди внезапно расступившегося леса и буквально ошеломила меня. Мужчина в мрачном темно-зеленом мундире, позади которого я сидела на лошади, почувствовал, как я дернулась, и обернулся посмотреть, что случилось. Увидев широко раскрытые глаза и разинутый рот, он просто глупо хихикнул.

– Это Самсод, Кассандра Тауриг, – звучно пояснил ехавший спереди Логан, мужчина с изумрудной серьгой, – что означает «ореховый палец».

– Почему «ореховый палец»? – удивилась я.

– Это ты у своих соотечественников спроси – они называли. Может, потому что чуть дальше у подножия холма стоит ореховая роща. Правда, от деревьев мало что сейчас осталось.

– Их вырубili? – сразу же рассердилась я.

– Они состарились, – ехидно пояснил Логан и привычно дал знак своим людям, следовавшим за ним.

Мы подъехали к длинному, неширокому, но внушительному мосту через ров, слегка заполненный водой.

А дальше возвышалось самое грандиозное сооружение, которое я когда-либо видела. Впрочем, следовало учесть, что видела я мало, поскольку самым далеким моим путешествием был соседний город, не многим отличавшийся от нашего Кермиса.

Крепость располагалась на возвышении на небольшом острове, образованном углубленным и расширенным руслом небольшого ручья, исток которого начинался где-то внутри замка.

Из-за слишком засушливого лета ручей здорово обмелел, во рве, окружающем остров, воды осталось мало — курам по колено, но это никак не умаляло внушительности самой крепости.

Когда-то ее толстые неприязательные стены и башни строго следовали своему единственному предназначению — защищать. Но постепенно, от поколения к поколению, к этому прибавлялось и «восхищать», и «подавлять», и «презирать». Небольшой донжон внутри крепостной стены давно потерялся в обилии пристроек, лепившихся год от года друг к другу, отчего замок вышел за пределы первоначальной крепостной стены и повис над водой. Остров расширили, на восточной его стороне разбили сад с прудом, на северной притулился крохотный поселок людей, испокон веков обслуживающих замок. Сама же крепость изменилась до неузнаваемости, обретя помимо основного здания с несколькими боковыми пристройками множество изящных деталей: аккуратных дворишков с открытыми галереями и бассейнами, лестниц и переходов.

Но мне об этом было неизвестно, и я могла лишь восхищенно взирать на настоящую крепостную стену с бойницами, только с этой, западной, стороны сохранившуюся в первозданном виде, но главное — на вздымающуюся за ней неровными ступенями, башнями и башенками громаду самого замка, украшенного обильным каменным декором. Неужто здесь живет всего один человек? Да здесь же полгорода поместится!

Проехав главные ворота с угрожающе нависшими цепями, миновав широкий проход в надвратной башне, мы проехали во внутренний двор, большой, но совершенно пустынный, если не считать двух стражей, с любопытством рассматривавших меня, пока Логан на них не прикрикнул, да конюха, выскочившего забрать лошадей.

— Идем, — буркнул Логан, жестом приглашая меня за собой.

Мы прошли по пустому двору, гулко отражавшему звуки наших шагов, и вошли в незаметную боковую дверь, откуда попали в широкий коридор, заставленный вдоль стен комодами и полками. То был черный ход для слуг, и из него вели по меньшей мере еще два коридора и две лестницы: слева — вниз и справа — вверх.

Мы поднялись по неудобной крутой лестнице, завинчивающейся спиралью наверх. Потом опять был какой-то коридор, темный и узкий, в стенах которого виднелись крохотные ставни, скрывающие, надо полагать, окна во двор. По правую руку мы миновали две двери — не похоже было, что ими недавно пользовались, — ведущие, как я

могла предположить, в некие комнаты. На полу различалась едва заметная в тусклом свете свечи дорожка, прямо-таки колея, вытертая бесчисленным количеством ног... С каждым шагом отчаяние все больше овладевало мной. Это не замок, это рухлядь какая-то. А с виду вроде ничего... Кому нужно в этой развалюхе золотое шитье?

Логан привел меня в небольшую комнату и я впервые воспряла духом. Комната была довольно просторной, чистой, а главное — светлой. Два вполне привычных окна выходили на юг, и теперь солнечный свет, льющийся сквозь них, ложился яркими желтыми ромбами на каменном полу.

В комнате был стол, стул, настольная лампа, стеллаж, придвинутые к стене большие квадратные пятацы, кресло у закрытого экраном камина и больше ничего. Зато была еще одна дверь, которую Логан распахнул и со скукой в голосе заявил:

— Спальня.

Это удивило: после темных коридоров я не ожидала стольких удобств. В спальне была кровать, неизменный камин, вешалка в углу и умывальные принадлежности. И крепкий запор на двери.

Я удовлетворенно кивнула. Итак, пришло время задавать вопросы.

— Когда я увижу... графа Ноилина? — задала я самый животрепещущий из них. — Что я должна делать?

— Все узнаешь. В свое время. И лучше будет, если ты не станешь выяснять это самостоятельно.

На этом наше знакомство закончилось. Логан

повернулся и вышел, оставив меня одну. Нелюбезность приема приводила меня в отчаяние, но я решила не сдаваться.

Чтобы изучить все, что было в двух комнатах, мне хватило десяти минут. На стеллаже в больших плетеных корзинах лежали аккуратно сложенные шелковые, хлопковые, льняные, золотые, серебряные нити и канитель, шнуры и галуны, скатанные в клубочки. Здесь же стояли коробочки с иглами, ножницами, наперстками и даже порядком потертая линза. Стопочкой лежали отрезы льна, хлопка, шелка — раздолье для рукодельницы.

Но больше смотреть было не на что. Через час я уже была готова сбежать. Положение спасло появление чопорной сухой старой женщины, озабоченно кивнувшей мне и пальцем пригласившей за собой.

Я шла за чинно ступающей старухой и настороженно осматривалась по сторонам. Мы двинулись по тому же коридору, по которому шли с Логаном, но дальше, и, открыв невзрачную с этой стороны дверь, неожиданно вышли к холлу, откуда начиналась анфилада светлых, богато убранных залов, резко контрастирующих с убожеством того, что я видела раньше. Но женщина, не останавливаясь, прошла холл наискосок и оказалась на широкой парадной лестнице, ведущей вниз. Я поспешила следом, вежливо пытаясь спросить старуху, как ее звать, и вообще завести разговор. К моему удивлению, старуха и ухом не повела. Подивившись на порядки в этом доме, я пожала плечами и молча пошла за ней.

Вскоре мы оказались на кухне, и женщина сразу же исчезла в боковой двери, оставив меня в одиночестве рассматривать великолепие царства кастрюль и поварешек. В огромной, предназначенной явно для целого гарнизона кухне было три очага, самый большой из которых мог бы вместить телегу с лошадьё. Еще на кухне был длинный широкий стол, тщательно отскобленный и вымытый, тянущийся почти от входа и заворачивающий вправо странной загогулиной. На стенах было множество заставленных посудой полок и сверкающих медью ковшей, сковород, кастрюль, черпаков, свисающих с крюков. Там были безупречная чистота и порядок.

— А, девушка, — выскочила откуда-то сбоку давешняя старуха, уже переодевшаяся и выглядевшая куда более любезно. Ее накрахмаленная белая блуза с торчащим вверх неудобным воротником, жесткий корсет и необъятная клетчатая юбка в складку напоминали мне старинные миниатюры с изображением моей бабушки, — Как звать-то тебя?

— Кассандра, Кэсси.

— Кэсси, значит? А я Марта. Садись. Чаю выпьешь? — я кивнула. Признаться, я бы чайком не ограничивалась, но заявлять о голоде не спешила: торопиться не стоит, надо бы осмотреться сначала, узнать о местных порядках, которые, судя по всему, были отнюдь не просты. Да и поведение старушки меня еще как озадачило. То шла унылая и мрачная, то улыбается, как ни в чем не бывало. Высокая, сухая и плоская, как палка, с длинным тонким носом и

вежливой, но совершенно безразличной улыбкой, повешенной в уголки рта, сейчас Марта выглядела вполне энергичной и деятельной, хотя, пока мы шли по коридору, мне показалась она совсем иной.

Но загадка разрешилась так просто, что я рассмеялась.

Дверь за моей спиной шумно распахнулась, а обернувшись, я увидела в дверном проеме прежнюю Марту — озабоченную и мрачную.

— Это Тирта, — пояснила Марта.

Старушки были похожи как две капли воды. Разве что одна капля с сахаром, а другая — с солью. У Тирты был подозрительный взгляд, сердито поджатые губы и ни малейшего желания знаться с новой обитательницей дома.

Я с облегчением рассмеялась. Приятно осознать, что с твоей головой все в порядке, а раздвоение старушек произошло без твоего участия.

Тирта укоризненно глянула на меня и поплыла дальше, с этих пор обращая на меня внимания не больше, чем на фикус в углу.

— Сестра моя. Она плохо слышит, — чуть извиняющимся тоном пояснила Марта и тут же бодро спросила:

— Так ты золотошвейка?

— Золотошвейка, — киваю, — с малолетства только этим и занимаюсь. Мастерская у нас.

— А что, и мать твоя этим занимается? — поинтересовалась Марта, выставляя на стол такие разносолы, что у меня слюнки потекли и я не сразу и вопрос

поняла.

— Нет у меня матушки, — говорю, — зато сестры есть, Селина, вот, на днях здесь была. Неужто не помните? — озадачилась я.

— Ах, Селина, значит, сестрица твоя? Славная девочка, — равнодушно похвалила кухарка, и я прекрасно чувствовала, что нет никакого дела Марте ни до Селины, ни до меня с моими рассказами. Не то, чтобы меня это задело, но в незнакомом месте всегда хочется иметь хоть какую-нибудь поддержку, а здесь, похоже, на это надеяться и не стоит.

— Да ты ешь, девушка, ешь!

— А зачем графу золотошвейка? — рискнула спросить я с набитым ртом. — В свет он не выходит, новую одежду не заказывает, подарки не дарит. Он что, золотное шитье в сундук будет складывать?

— Ты, девушка, знай себе работай, а вопросов не задавай! — слегка охолонила меня кухарка. — Твое дело работать. А зачем — хозяин сам скажет, если захочет.

Тут меня и проняло!

— Что, — возмутилась я, — за тайны здесь такие, что нормальному человеку и спросить нельзя?

Марта пристально посмотрела на меня и серьезно сказала:

— Ты и вправду, девушка, уйми свое любопытство. Не тайны ради, а чтобы жива осталась. Не будешь совать свой нос, куда не следует, — будет все в порядке, никто тебя не тронет, никто не обидит.

Я изумленно хлопала ресницами, не веря своим ушам. Мне угрожали! Что это за место такое?

Марта, явно довольная моей реакцией, улыбнулась и елеяно добавила:

— А если что надо будет — одежда, скажем, ты скажи Логану, он все сделает. Ты не думай, работы будет у тебя много, скучать будет некогда.

Я просидела на кухне у Марты и изредка забредающей к нам Тирты до вечера.

Марта готовила ужин, и хоть в помощи явно не нуждалась, я ей усердно помогала. Так, слово за слово, старушка разговорилась, подобрела. Графские тайны, равно как и самого графа, мы в разговоре усердно обходили стороной, но в остальном Марта оказалась не такой несловоохотливой, как я этого боялась.

Я узнала краткую историю замка и ореховой рощи за ним, о том, что лес, через который мы подъезжали к крепости, в последнее время хиреть стал, и хоть зверье в нем не перевелось, да больно пугливым стало. Волки непомерно развелись, отстреливать пора. Узнала я и о том, что на Западной башне совсем кладка развалилась, того и гляди рухнет, а Логану и вовсе дела нет. Поговорили и о том, что этим летом сильно обмелела река, на днях даже корабль на мели застрял, уж сколько возни было, пока выгасчили...

Узнала и о том, что до меня работала здесь золотошвейкой старшая сестра Тирты и Марты — Карита. Все последнее время женщина болела, слабела, угасала и

вот померла меньше месяца назад.

— От того и Тирта такая — горюет. Ты не смотри так на нее, девушка. Она неплохая. Просто... странная немного. Но это пройдет. Надеюсь. — успокаивала меня Марта.

Тирта время от времени появлялась на кухне молчаливая, но деловитая. То суетливо переставляла с места на место вещи, которые, по-моему, совершенно в этом не нуждались, то делала какие-то знаки Марте, когда считала, что я этого не замечаю... Чем больше я за ней наблюдала, тем быстрее приходила к выводу, что старушка не в себе. А судя по сердитым взглядам, время от времени бросаемым Мартой, я убеждалась, что совершенно права.

Ужин был готов ровно к тому моменту, когда огромные стенные часы торжественно пробили восемь. Марта загрузила изящные супницы и подносы в подъемник, который я сперва приняла за дверцы печи, и закрыла створки. Минут через пять послышался ровный скрип приводимого в действие механизма. Марта удовлетворенно кивнула, будто до этого не была уверена, есть ли кто наверху, и принялась нагружать второй подъемник, такой огромный, что туда поместились бы четыре меня. Еда уехала куда-то вниз.

— Для стражи! — пояснила Марта, заметив мое любопытство. — Ну вот, Кассандра, мы и закончили. Сама доберешься?

Я добралась. С нервным оглядыванием по сторонам, на цыпочках и почти не дыша. Но с первого раза и нигде не заблудившись. Впрочем, уже через день-два я поняла, что

боялась зря: люди здесь появлялись крайне редко. Заброшенность — самое нормальное для этого замка состояние.

Без солнечного света моя нынешняя комната показалась мне не такой веселой, как днем, но после коридора ее темнота уже не пугала.

Оправившись от треволнений дня, я задумалась. Странное место, этот замок, очень странное. Полоумные старушки, бродящие по коридорам, хозяин, о котором говорить нельзя, почти полное отсутствие слуг (в нашей семье их куда больше!). Да и сами мрачные стены навевали отнюдь не радостное настроение. На ум приходили рассказы Селины, и я думала о том, сколько в них правды.

Однако ночь прошла совершенно без приключений. Ни настырных привидений, ни страшных снов, ни неожиданных вторжений, ни отодвинутых таинственным образом дверных запоров. Я проспала всю ночь без задних ног и проснулась с рассветом.

..Люблю это время. Чистое, умытое, радостное утро всегда сулит надежду. Я распахнула оконце в светелке, оглядывая с высоты крепостной башни расстилавшиеся внизу сонные, покрытые легким туманом зеленые луга, серебряный изгиб реки, темный, но в утренних солнечных лучах совсем не страшный лес.

Радуясь далекому солнцу, росистому воздуху и веселому щебету птиц, я не сразу заметила, что на столе в светелке что-то лежит, а заметив, принялась рассматривать.

На кусочке шелковистой белой ткани лежал небольшой

моток золотых ниток, скорее даже шнур, тонкий, но свитый из множества тончайших нитей. Рядом с ним — нарисованный на листе бумаги узор, точнее, знак, некая стилизованная буква неизвестного мне алфавита. На обратной стороне бумаги небрежным, трудно разбираемым почерком было написано предельно кратко и ясно: «Выложить шнуром. Начало и конец шнура соединить в одной точке».

Что ж, работа как работа. Это даже вышивкой не назовешь.

Мне не привыкать к сложным монограммам, в которых порой даже невозможно понять, какие буквы их составляют, или изоцренным узорам без конца и без начала. Мне приходилось выводить на кайме платья не просто слова, но даже стихи, поэтому с тем, что было на оставленном для меня небольшом (величиной с ладонь) рисунке, я надеялась справиться без особого труда.

То, что работу нужно было выполнить шнуром, облегчало мою работу, если, правда, я сумею разобраться, где у этой буквы начало. Это может показаться странным, но вышивку нельзя начать просто так, откуда-то из середины. У нее обязательно есть начало, и от этого зависит все.

Через несколько минут пристального изучения рисунка, я знала его наизусть. Я могла бы с закрытыми глазами повторить все бесконечные изгибы идущей линии, все петли и повороты, все переплетения, он улегся на полки моей памяти с правом несомненного собственника. И только

тогда, когда мой палец с начала до конца смог повторить рисунок на столе, при этом ни разу не оторвавшись от столешницы, я поняла, как нужно делать. Теперь я знала, откуда начинать и где это должно закончиться.

Я была так поглощена работой, что даже не заметила угрюмой Тирты, молча поставившей маленький поднос со скромным завтраком — молоко, мед, белый хлеб с маслом — и также молча исчезнувшей.

Я наскоро жевала, досадуя, что это отрывает меня от работы, и думала только о том, как возьму в руки иглу.

Кто смотрит на только что натянутый холст с кистью в руке и прикидывает первый мазок краской, перед кем лежит чистый лист, перья тщательно очинены, а мысли неудержимо просятся на бумагу, только такие могут понять меня. Предвкушение творчества — вот что это такое.

Переведя рисунок на шелковую ткань, не торопясь натянув ее на небольшие деревянные пяльцы и передвинув стол поближе к распахнутому окну, я приступила к работе.

«Шнур выкладывать — это не гладью вышивать, — воодушевленно думалось мне, — это гораздо проще. Всего то и надо, что уложить шнур по линии рисунка и аккуратно прикрепить его к натянутой ткани тонкой шелковой нитью».

Как же я ошибалась! Как я была наказана за свою самонадеянность! Еще пять минут назад я недоумевала, почему Селина не смогла справиться с рисунком. Не так уж он и сложен, а она вовсе не неумеха, но, взяв в руки золотой шнур и сделав первый стежок, я застыла в растерянности: шнур извивался, как живая змея, и совершенно не желал

быть пристегнутым к ткани!

Пока я вонзала иглу в ткань, шнур выскальзывал из-под пальцев, как смазанный жиром. Он вырывался из-под булавок, которыми я его прикрепляла к ткани. Приноровившись, я сильнее прижала его, пытаясь закрепить стежком, но он сам по себе дергался, не желая ложиться точно по нарисованной линии. Я рассерженно дергала иглу, но при этом рвала шелковую нить. Немного отдышавшись и успокоившись, я начинала снова. И все повторялось.

Поковырявшись и так, и этак, я с недоумением и расстройством отложила пяльцы. Шнур, в очередной раз изогнувшись, свернулся клубочком.

Вот ведь незадача. Что же мне делать?

А что я раньше делала, когда раз за разом рвалась непрочная тонкая нитка, принося в безупречный рисунок беспорядок?

«Дорогу осилит идущий, дело подчиняется упорному», — упрямо твердила я и начинала все сначала, пока не добивалась своего.

А разве сейчас у меня есть выбор?

Тяжело вздохнув, я положила шнур на ладонь. Была какая-то странность в его внутренней теплоте, будто не один час лежал он на ярком весеннем солнышке и теперь неохотно отдавал это тепло моим пальцам. Шнур как шнур, необычайно тяжелый, почти не перекрученный, нити плотно прилегают друг к другу, как приклеенные, однако никогда еще при мне ни один шнур не вел себя, как дикая кошка, которую нужно понемногу и осторожно приманивать

куриным крылышком.

Прошло немало времени, прежде чем мы друг к другу привыкли и я смогла сделать несколько первых стежков, закрепив шнур там, где положено. Работа обещала быть долгой.

...А потом все само собой пошло-поехало, и я по привычке запела старую песенку, которую обычно пела, вышивая:

*Игла, иголочка моя,
Прошу тебя, иголка,
Найди ее, молю тебя,
Мою страну из шелка.
Один стежок, другой стежок –
Течет река, идет снежок...
Там изумрудные поля,
Лазоревые дали,
Там все, о чем мечтаю я,
Там горя не видали.
Один стежок, другой стежок –
Танцуй, иголка, мой дружок...*

Работу я заканчивала при свете свечи. Я почти не заметила, как прошел день, как, отмеряя время, проехали солнечные квадраты по каменному полу светелки. Вставая только затем, чтобы наскоро перекусить и размять косточки, я корпела над самой невероятной, самой сложной работой в моей жизни. В конце концов я подчинила себе шнур (или он

вдоволь наигрался со мной) и работа пошла на удивление скоро, но когда, отложив пяльцы в сторону, я смотрела на вышитую неизвестную мне букву, то чувствовала не гордость от хорошо сделанной работы, не радость победы, меня донимало любопытство — что это значит? Похожий на раскидистое дерево или на упрямую бычью голову знак выглядел не просто внушительно — от него исходила уверенность, сила, надежность и непоколебимость...

Ни один человек в мире не смог бы меня убедить, что шнур самый обычный, буква есть просто буква, а моя работа будет повешена в рамочке на стенке. Нет, здесь было много больше того, что можно увидеть глазами. Здесь пахло колдовством, и это приводило меня в ужас. Подтверждались мои худшие опасения, вдоволь перестиранные за время моего путешествия к замку.

Но как бы меня ни донимали самые невероятные догадки, я уснула, едва добравшись до подушки, остро и почему-то тревожно пахнувшей травами.

Очередное утро меня встретило невероятным гамом, который устроили воробьи прямо у меня под раскрытым окном, и новым заданием, лежащим на столе. Вчерашняя работа исчезла. Ни тебе «спасибо», ни тебе «понравилось». Вот вам и порядки. А ведь хотелось бы многое узнать, и не только то, удовлетворила ли моя работа таинственного хозяина.

Однако в ответ на мои горестные размышления поутру меня посетил Логан, с порога насмешливо заявив:

— Время от времени заходи на кухню, чтобы мы знали,

что с тобой все в порядке. А то здесь заблудиться недолго, потеряешься — неделями искать будем.

Я открыла было рот, чтобы оправдаться, но он меня перебил:

— Хозяин вполне доволен твоей работой. Ты останешься в замке, как и договаривались раньше. Если тебе что-то нужно, говори.

Я перевела дух и решила воспользоваться случаем:

— Что за знак я вчера вышивала? Что он означает?

— Вот что, ягненок, — терпеливо склонил красивую холеную голову Логан, — я домоправитель, на худой конец посланник, но я не маг и не хозяин этого замка. Я не знаю того, что поручают делать тебе. Но даже если бы и знал, то не сказал бы.

— Почему? — расстроилась я.

— Я служу хозяину десять лет и за это время твердо усвоил: меньше знаешь — лучше спишь. Вот и тебе того же желаю. Делай свое дело и не задавай ненужных вопросов. Да, и еще, ягненок. Поскольку вряд ли ты успокоишься, хочу тебя предупредить. Ты не взперти! Можешь ходить где угодно по этому и нижнему этажу замка и крепостных стен, в библиотеке, во дворе, на башнях и в караулке, ходить в поселок и знаться с его обитателями, можешь гулять по парку и лесу, если не боишься, но ты не должна подниматься в личные покои хозяина. Ты не должна искать с ним встреч и не должна мешать ему. Это тебе ясно?

— Я не ягненок, — буркнула я, — меня зовут Кассандра.

– Договорились, ягненок? – лучезарно улыбнулся Логан. – И не советую бродить по подвалам. Не от того, что там есть, что скрывать, а просто заблудиться можешь. Или испугаться. Крысы там, сырость, всякая мерзость, кандалы проржавевшие. Надеюсь, ты не любительница страшных сказок на ночь?

Я хмыкнула.

– Вот и славно. И не грусти. На самом деле здесь очень даже можно жить.

Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я фыркнула в никуда и демонстративно пожала плечами. С остальными вопросами можно было бы обратиться к стенке – толку было бы столько же.

* * *

День потек за днем, однообразно и скучно. По утрам я получала неизменное задание, но теперь оказалось, что первое из них, оказывается, было еще самым легким.

Первая работа, как я поняла, была пробной, поскольку последующие были не в пример больше и заковыристее. Размером знаки иногда увеличивались в несколько раз и

доходили до величины локтя, а то и больше, шнур иной раз приходилось укладывать тройной, при этом делать так, чтобы его линия нигде не прерывалась. На такую работу уходило два, а то и три дня. Добавляло работы и то, что рисунки, которые должны были стать основой вышивки, теперь не были тщательно вырисованы в том размере, который требовался, чаще всего на бумажке был просто небрежно набросан знак, а под ним шли краткие комментарии. Мне приходилось самой увеличивать рисунок до нужного размера, а это занимало немало времени.

Через несколько дней я совершенно перестала замечать ненормальность золотых шнуров, но хозяин время от времени подкидывал мне новые задачки. Иногда рисунок усложнялся: знаков-рун становилось больше, их вязь была то длинной — в одну строку, то замкнутой — в круг. На один рисунок теперь уходил далеко не один день, но стоило только закончить работу, как я сразу же получала новое задание с идеально отмеренным куском шнура.

Подталкиваемая любопытством, я пыталась караулить приход того, кто посреди ночи кладет на мой стол очередную порцию работы. Но как ни старалась, меня неизменно морил сон.

Когда я наловчилась без особых усилий управляться со странными материалами, из которых мне предлагалось шить, да и с рисунками тоже, работа пошла быстрее и успешнее. Я даже решила время от времени делать перерыв на отдых, особенно когда поняла, что с работой меня никто не подгоняет — как управлюсь, так и будет.

Несмотря на запрет Логана, а возможно, и благодаря его запрету, мне ужасно хотелось попасть в те самые личные покои графа, от которых он меня предостерегал, но самое смешное заключалось в том, что я совершенно не могла понять, как туда попасть и где это находится.

Та часть, где жила я, называлась нижним замком и включала в себя парадный холл с широкой лестницей, весь первый этаж с помещениями для слуг, которых здесь практически не было, и второй этаж с чудной анфиладой богато убранных комнат, окна которых выходили на юг и восток с одной стороны и во внутренний двор — с другой.

Из двора крепости главный, или парадный, вход — огромные массивные двери, обитые железом и украшенные чеканным гербом, — приводил в просторный холл, совершенно пустынный и гулкий. Маленькие, почти незаметные двери уводили в помещения для слуг, гардеробные, кухню и кладовые, вели к узким невзрачным лестницам, ведущим вниз, но главным здесь было не это. В центре холла начиналась и уходила наверх двумя полукружьями широкая парадная лестница. Если вы поднимались по ней, то наверху попадали в холл поменьше. Отсюда можно было повернуть влево, и тогда перед вашим взором открывались богато украшенные светлые комнаты, переходящие одна в одну. Или вправо, где за обычной дверцей скрывался кошмар, который рассказывают про старинные замки: темный, узкий коридор, протертый камень, комнаты, похожие на каменные клетки. Именно там я и жила. И в этом крыле я вообще была одна. Марта с

Тиртой да и Логан жили в другом крыле замка. Другие слуги, чаще других работавшие в замке, — судомойка Полта, простоватый и чудаковатый юноша Баки, коридорный, исполнявший и всякую грязную работу, кучер и конюший Вукс — жили в крохотном поселке у крепостной стены вместе с семьями и на втором этаже замка вообще никогда не появлялись.

Но был еще верхний замок. Он был здесь или начинался где-то рядом, прямо на третьем этаже, отдельно стоящими зданиями, прилепленными друг к другу... Я видела из окна еще один окруженный галереей внутренний двор с небольшим фонтаном и полукруглыми бассейнами, сообщающимися друг с другом, видела стройные ряды высоких ажурных окон, готическую лепнину, ступенчатые переходы между этажами, но каждый раз, пытаясь дойти до этого великолепия по крепостной стене, я попадала куда угодно, только не туда, куда стремилась. С третьим этажом было куда проще: обойдя весь второй этаж, я так и не нашла ни одной лестницы, ведущей наверх. Поэтому замечание Логана на самом деле смысла имело мало — я не могла бы побеспокоить хозяина, поскольку не представляла, где он находится. Впрочем, я не знала не только где, но и кто. Долгое время я сомневалась, обитаем ли верхний замок вообще, но, наткнувшись на Нарата, личного слугу графа, а также некоего Джаиля, личность странную и загадочную, которую поначалу приняла за таинственного хозяина, я узнала, что они и есть единственные (кроме самого графа, надо полагать) обитатели верхнего замка.

Мне очень хотелось посмотреть на этого запретного для обозрения слуг хозяина хотя бы для того, чтобы убедиться в его существовании. Не могу же я работать невесть на кого? Скрытность моего нынешнего работодателя давала моему праздному уму немалую пищу для размышлений, и разгадка этой тайны была моим единственным развлечением все дни и вечера напролет. Если сказать по правде, то дело, конечно же, было в том, что ничем другим скрасить унылое существование в этих стенах я не могла.

Но постепенно запах тайны и приключений, почудившийся мне в первые дни пребывания в замке, выветрился. Не было ни пугающих звуков, ни загадочных видений. Ни скрипа, ни скрежета, ни воя. Ничего страшного. Ничего интересного. Только старые стены, настолько заброшенные, что сами по себе становились тайной: когда же они рухнут окончательно.

День за днем, выбираясь на короткие вечерние прогулки то по неухоженному саду, то просто по крепостной стене, норовящей рассыпаться от легкого дуновения ветерка, я находила подтверждения тому, что граф Ноилин совершенно не интересуется всем окружающим, а нынешнее место обитания устраивает его лишь потому, что достаточно удалено от любопытных глаз. Всюду были видны следы запустения. Сад буйно зарос, да так, что дорожки вовсе исчезли, оплетенные толстым ковром ползучего барвинка, кусты разрослись до великанов с торчащими во все стороны руками, от немногочисленных клумб остались лишь щербатые камни по краям. До